

толькі пра сваіх бацькоў, ці дзядоў, але і ўспаміналі хто з аднавяскоўцаў ваяваў і як знайсці іхніх родных. Каб упэўніцца ў праўдзівасці слоў апавядальнікаў прасілі паказаць ваенны білет, чырвонаармейскую кніжку, ці іншы дакумент – адкуль выпісвалі патрэбную нам інфармацыю.

Для параўнання прывядку адзін прыклад. Ва ўліковых картках сельсавета на ўдзельнікаў вайны па стану на 1987 г. налічвалася 38 чалавек. На сёняшні дзень у спісе складзеным “нашчадкамі” пры дапамозе родных і блізкіх ветэранаў значацца прозвішчы 196 ураджэнцаў слабадскога сельсавета і больш за 60 прозвішчаў ветэранаў памежных рэгіёнаў. У гэты спіс занесена інфармацыя і пратых хто памёр у першыя пасляваенныя дзесяцігоддзі, калі рабіць дасканалы ўлік ветэранаў не ўяўлялася мэтазгодным з-за іх вялікай колькасці.

Не гледзчы на тое, што ўспаміны мясцовых жыхароў даюць толькі лакальныя прадстаўленні пэўнага эпизоду вайны, носяць суб’ектыўны характар, не ствараюць цэласнай карціны таго, што адбывалася ў краі на самай справе, тым не менш яны запяўняюць прабелы ў пэўным гістарычным перыядзе. На тое, як дакладна людзі выкладаюць факты уплываюць розныя акалічнасці – узрост, наколькі апавядальнік быў уцягнуты ў сацыяльныя адносіны свайго населенага пункта, сацыяльнае становішча. Хаця апошнія акалічнасці, ды яшчэ ўзрост не з’яўляюцца вызначальнымі фактарамі ў дакладнасці выкладаемых чалавекам фактаў. Напрыклад, ў 2008 годзе ў в. Слабада Кузьміч Вольга Фёдараўна 1930 г.н пералічыла каля двух дзесяткаў прозвішчаў сваіх землякоў, што прымалі ўдзел у партызанскім руху, і нават назвала хто і ў якой партызанскай брыгадзе значыўся. Шаснаццаць з іх, па словах жанчыны, былі ў складзе быгады “Чэкіст”. На чатырнаццаць чалавек названых Вольгай Фёдараўнай знайшлося дакументальнае падцверджанне ў Нацыянальным архіве Беларусі ў тым, што яны сапраўды былі ў складзе брыгады “Чэкіст”.

Толькі супастаўляючы вялікую колькасць сабраных сведчанняў, аналізуючы і параўноўваючы з агульнагістарычнымі фактамі, архіўнымі матэрыяламі можна зрабіць пэўныя гістарычныя высновы, скласці цэласную і праўдзіваю карціну таго, што адбывалася на тэрыторыі пэўнага рэгіёна ў гады апошняй вайны.

Гребень Е.А.

ДОКУМЕНТЫ КОЛЛАБОРАЦИОННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ НАЦИСТОВ В ОККУПИРОВАННОМ ВИТЕБСКЕ

Пенитенциарная система понимается как совокупность тюремных мероприятий направленных на кару и исправление заключенных, а также как государственный институт, ведающий исполнением уголовных наказаний (как связанных, так и не связанных с лишением свободы), наложенных на граждан в соответствии с законом [1]. В период немецкой оккупации Беларуси нацисты внедрили здесь свою пенитенциарную систему в соответствии с собственным представлением о новом порядке.

Пенитенциарная система нацистов в оккупированной Беларуси до настоящего времени детально не изучена. Порядок функционирования тюрем лишь фрагментарно затрагивался в отдельных исследованиях. Краткая аннотация фонда Витебской городской тюрьмы дается в статье Шалаевой С.Б. «В оккупированном Витебске» [2, с. 10–11]. Функционирование Витебской тюрьмы затрагивается в работе Ивановой Т.П. «Политика оккупационных властей в Витебске во время Великой Отечественной войны» [3, с. 50]. Однако в настоящее время нельзя говорить о хотя бы частичном изучении этой составляющей оккупационного режима на фоне имеющейся обширного комплекса источников, хранящихся в фондах Государственного архива Витебской области: фонд Витебской тюрьмы (2155, 18 единиц хранения) и фонд местной комендатуры (2116, 3 единицы хранения). Имеющиеся в распоряжении исследователей документы

позволяют достаточно полно реконструировать механизм функционирования пенитенциарной системы нацистов в оккупированной Беларуси.

В Витебске в годы нацистской оккупации, помимо печально известного концлагеря 5-ый полк, трудового лагеря по ул. Фрунзе на территории Зеркальной фабрики (так называемая «Зеркалка») и тюрьмы СД, действовала и находившаяся в ведении местной полиции городская тюрьма, ставшая местом заключения многих жителей города и района [4, л. 577]. В 1941–1942 гг. тюрьма имела статус городской, в документах 1943 г. именовалась районной [5, л. 224].

Суровые условия жизни и быта периода нацистской оккупации имели следствием рост преступности, жертвами которой становилось гражданское население, а порой и сами немцы. Естественно, оккупационная администрация пыталась жесткими мерами пресечь нарушение порядка. Помимо роста преступности ортскомендатура Витебска в начале 1942 г. констатировала рост антинемецких настроений среди гражданского населения, выражавшихся в ожидании возвращения Красной Армии, помощи ей (например, подача сигналов советской авиации) и, одновременно, рост криминала в городе, в первую очередь, воровства, в том числе у немцев. Отмечались случаи воровства горючего в воинских частях. Только в феврале 1942 г. было арестовано 953 чел. В г. Витебске было проведено 14 облав, 4 городских участка были тщательно прочесаны, в результате было арестовано 166 чел., 87 из которых не имели документов [6, л. 2]. За период с 1.04.1942 г. по 15.05.1942 г. было арестовано еще 843 чел., из которых 46 чел. арестовано за воровство, 35–за нарушение рабочей дисциплины, 42–из-за подозрения на заболевание венерическими болезнями, 541 чел. из-за отсутствия документов. 25 чел. было передано ГФП и СД для дальнейшего выяснения личности [6, л. 4]. С 15.05.1942 г. по 14.06.1942 г. аресту со стороны фельдкомендатуры, СД, ГФП и ОД подверглись: 176 чел. из-за нарушения паспортного режима, 245 чел. из-за нарушения запрета на посещение базара, 72 за нарушение комендантского часа, 31 за подозрение на венерические заболевания, 15 за уклонение от исполнения трудовой повинности, 1 за диверсию (подозрение в повреждении кабеля) и 1 за агитацию, всего 541 чел. [6, л. 9]. Сохранились также сведения об арестах и причинах задержания граждан за июнь 1942 г. Из 210 задержанных гражданских лиц 11 чел. обвинялись в содействии партизанам, 2–в агитации, 1 за саботаж, 11 за воровство, 21 чел. за подозрение в венерических заболеваниях, 1 военнопленный за побег, 2–уклонение от работы, 1–вредительство, 3–спекуляция, 3 как евреи, 151 за передвижение без пропусков, 3–другое [6, л. 6].

В фонде Витебской тюрьмы сохранились ежедневные рапорты фельджандармерии в ортскомендатуру о количестве задержанных граждан. Например, 21.06.1942 г. в Витебске было задержано 57 чел. мужчин и женщин, передвигавшихся без пропусков. Одни направлялись из деревень на базар в Витебск, другие следовали из города в деревни с целью закупить продукты. У задержанных были изъяты продукты питания, которые были переданы для нужд ортскомендатуры. Граждане, у которых документы оказались не в порядке, были направлены в рабочую команду [6, л. 16].

В тюрьме до выяснения личности содержались граждане, не имевшие документов, причем нарушение паспортного режима могло повлечь достаточно продолжительное тюремное заключение, иногда с повторным разбирательством, поскольку граждане с недействительными документами или вообще не имевшие таковых вызывали вполне обоснованное подозрение оккупационных властей, видевших в них потенциальных членов движения Сопротивления [6, л. 380; 4, л. 285]. Местом задержания граждан, не имевших документы, становился базар. Например, 27.12.1942 г. на базаре были задержаны 6 витебчан, не имевших документов [7, л. 216].

Содержание под стражей могло объясняться тем, что обвиняемые в преступлении могли повлиять на ход следствия, находясь на свободе, как, например, в случае с тремя гражданами, жителями общины Себяхи Елагинской волости Витебского района, обвиняемыми в краже в мае 1942 г. В результате начальник Службы порядка предписал

начальнику Витебской тюрьмы взять обвиняемых под арест на время следствия и сообщить об этом задержанным [6, л. 355]. 8.06.1942 г. начальник Службы порядка предписал взять под стражу кладовщика дер. Давыдовка Витебской волости гражданина Василия Ю., подозреваемого в растрате из кладовой общины 400 кг. пшеницы и 317 кг. ячменя. мера пресечения была выбрана для «предупреждения способов уклониться от следствия и суда», как было сказано в постановлении о взятии под стражу [6, л. 31]. Изредка практиковалось освобождение граждан, находящихся в заключении, под подписку о не выезде [6, л. 348; 8, л. 393].

Причины арестов и виды правонарушений видны из сохранившихся многочисленных распоряжений коменданта Витебской ортскомендатуры, издаваемых начиная с середины сентября 1941 г. и, по крайней мере, до октября 1942 г. Очевидно, позднее карательные функции были переданы Витебскому мировому суду. По крайней мере, семь приговоров коменданта 15–16.09.1941 г. касались граждан (9 чел.), обвиненных в грабеже во время пожара в Витебске во время отступления советских войск 10–11.07.1941 г. В ряде постановлений содержатся поясняющие обстоятельства дела комментарии: «во время пожара награбили целый склад продуктов», «воровал в огромных количествах при пожаре», «взял в госпитале коня, белье и продукты». В первую очередь, речь идет о случаях оккупационные власти карали граждан за присвоение государственной собственности, которая рассматривалась как принадлежащая рейху. За подобные проступки налагалось наказание от одного до четырех месяцев тюрьмы [9, л. 312–313; 10, л. 61]. При вынесении приговора фельдкомендант принимал во внимание обстоятельства совершения правонарушения. 20.10.1941 г. к трехнедельному аресту был приговорен житель Витебска Павел А за спекуляцию спиртом (требовал «ростовщическую» цену 6 немецких марок за четверть литра). В постановлении коменданта отмечалось, что гражданин приговорен к столь малому наказанию только потому, что он как безработный регулярно отмечался на бирже труда [4, л. 340]. В других случаях аналогичные правонарушения карались более сурово. Среди других приговоров также доминируют дела о воровстве продуктов питания, присвоение собственности (в том числе и сотрудниками полиции и городской управы), отсутствие регистрации и тунеядство, спекуляция, нарушение правил торговли (отказ принимать советские денежные знаки). Иногда несколько преступлений фигурировали в одном приговоре, например, отсутствие регистрации, тунеядство и спекуляция одновременно. Осенью 1942 г. подобные проступки карались тюремным заключением от одной недели до трех месяцев, а также во многих случаях комендант приговаривал граждан к определенному количеству палочных ударов, например, 10 палок в два приема, 20 палок в два приема и т.д. [8, л. 69, 70, 168; 10, л. 61; 6, л. 38, 41; 9, л. 312, 314]. Арестом на 24 часа карались граждане за нарушение общественного порядка (драки, появление на улице в нетрезвом виде) [11, л. 342, 346; 10, л. 162].

Помимо ареста фельдкомендатура могла приговаривать граждан к возмещению материального ущерба. Например, 10.10.1941 г. 13 витебчан, обвиняемых в воровстве дров и кровельного железа, были приговорены к аресту на одну неделю и денежному штрафу или принудительным работам, а при не внесении штрафа или не выходе на работу тюремное заключение увеличивалось еще на неделю [10, л. 59].

Для 1942 г. характерны те же правонарушения (по-прежнему лидировали кражи), но сроки тюремного заключения увеличились и составляли 2–3 месяца плюс по 10–20 палочных ударов за каждый месяц заключения [8, л. 68, 164, 244; 10, л. 160–168]. Для карательных процедур 1942 г. характерна также практика учета или не учета срока предварительного заключения при вынесении приговора [4, л. 574, 576; 12, л. 2, 7]. С началом мобилизации граждан на принудительные работы в Германию туда в виде меры наказания или как граждане, которые не могли скрыться от угона, могли отправляться и заключенные [6, л. 372].

Периодически узниками тюрьмы могли становиться и сами сотрудники полиции, наказанные за различные проступки [5, л. 215]. Например, 6.02.1942 г. начальник криминального отдела приговорил к 5 суткам ареста следователя Ш. за злоупотребления по службе (нарушение процедуры допросов, выразившееся в уничтожении протокола допроса начальника транспортного отдела) [4, л. 215]. 7.02.1942 г. начальником криминального отдела на основании распоряжения СД к 5 суткам ареста был приговорен следователь К. за “проявленную трусость при исполнении задания ГФП [4, л. 4]. 16.09.1942 г. охранник был приговорен к трехдневному заключению за утерю документов. В 1943 г. еще двое сотрудников полиции было приговорено к заключению, в одном случае причина ареста не уточнялась, в другом охранник был приговорен полево комендатурой к месяцу ареста за халатное наблюдение заключенной [12, л. 22; 4, л. 207, 564].

В тюрьме постоянно происходило движение заключенных. Подозреваемых в сопротивлении оккупационному режиму граждан регулярно вызвали на допросы в полицию, СД, жандармерию, некоторые не возвращались, либо расстреливались либо отправлялись в лагеря, тюрьму СД на принудительные работы в Германию, некоторые узники умирали, взамен на временное содержание прибывали новые арестованные, кто-то отпускался по окончании срока заключения или по причине не доказанности преступления. Например, 5.01.1942 г. в тюрьму из фельдкомендатуры прибыло 2 чел., из уголовного отдела полиции 3 чел., 4 заключенных были освобождены уголовным отделом. С 5 на 6.01.1942 г. в тюрьме содержалось 126 заключенных [4, л. 11]. 2.08.1942 г. в Витебскую тюрьму из ортскомендатуры и фельдкомендатуры поступило по одному гражданину, трое прибыло из уголовного отдела полиции, в свою очередь, туда же в этот день было направлено 4 граждан, трое было освобождено по отбытии срока; всего в тюрьме содержалось 198 чел. [8, л. 23]. 4.08.1942 г. в тюрьме содержалось 175 чел., в последующие недели количество узников постоянно росло и к 22.08.1942 г. достигло 311 чел., после чего уменьшилось до 282 чел. к 24.08.1942 г. [13, л. 29–33, 40, 41, 43].

За период с 30.10.1942 г. по 26.11.1942 г. движение заключенных в Витебской тюрьме выглядело следующим образом:

Дата	Откуда прибыло, количество чел.	Куда убыло, количество чел.	Осталось заключенных
10.11.1942	ортскомендатура–2, фельдкомендатура–1, полиция–1	ГФП–1	120
9.11.1942	ГФП–1, фельдкомендатура–1, полиция–1	ГФП–3, фельдкомендатура–2	125
5.11.1942	фельдкомендатура–4,	фельдкомендатура–2, полиция–1	134
12.11.1942	ГФП–2, фельдкомендатура –3, полиция–1	полиция–1, освобождено–2	128
11.11.1942	ГФП–1, полиция–1	ГФП–1, фельдкомендатура–5, освобожден–1	125
7–8.11.1942	ГФП–2, фельдкомендатура–2	фельдкомендатура–5, освобожден–1	127
2.11.1942	фельдкомендатура–5, ГФП–4, полиция–4	ГФП–12, ортскомендатура–2, освобождено–3	137
26.11.1942	ГФП–16, ортскомендатура–2, фельдкомендатура–1, полиция–3	ГФП– 9, фельдкомендатура–1, полиция–2	131
30.10–1.11.1942	ГФП–3, фельдкомендатура–6, СД–1	фельдкомендатура–1, больница–1, освобождено–3	142

Аналогично ситуация выглядела и в последующем 1943 г. Число узников не опускалось ниже 100 чел., ежедневно кто-то из них выбывал по различным причинам, а на их место прибывали другие граждане [8, л. 269, 304, 315, 316, 331, 332, 342–344].

При направлении граждан в тюрьму криминальный отдел Охраны г. Витебска пересылал начальнику Витебской тюрьмы, в котором указывалось фамилия и имя арестованного (или арестованных; до 5 человек), направляемого для содержания под стражей, а также требование произвести тщательный обыск арестованных, оформив его специальным актом [6, л. 401].

Периодически заключенных вызывали на допрос, для чего начальник криминального отдела ОД выписывал специальное извещение начальнику тюрьмы, в котором указывались имена и фамилии конвоируемых на допрос граждан и их номера [6, л. 24]. По окончании срока заключения начальник тюрьмы подавал на имя начальника криминального отдела рапорт, в котором сообщал, что срок заключения истек, наказанный за конкретное преступление гражданин освобожден из-под стражи, а также сообщалось, что выполнено указание о наказании заключенного определенным количеством палочных ударов, если он был к этому приговорен [8, л. 163]. Полиция также оповещала начальника тюрьмы о передаче дел конкретных заключенных в суд [4, л. 319, 319 об.]. Постановления о заключении граждан в тюрьму выносились разными органами власти. Чаще всего на подобных документах стояла подпись полевого коменданта, иногда совместно с инспектором полевой юстиции, либо только подпись последнего [6, л. 30]. Решение о временном заключении на период следствия мог принимать начальник полиции [10, л. 77]. Например, согласно приказу начальника полиции, 27.09.1942 г. в тюрьму поступил гражданин Дорофей Б., подозревавшийся в связях с партизанами и принадлежности к партии большевиков. Начальник полиции подозревал, что, находясь на свободе, гражданин скроется от следствия [10, л. 118]. 14.09.1942 г. по этой же причине предварительному заключению были подвергнуты граждане Федот Р. и Федор З. [10, л. 77]. С организацией в Витебске мирового суда часть уголовных дел перешла в его компетенцию, и ряд граждан приговаривались к различным срокам тюремного заключения уже судом [6, л. 282].

Освобождение из тюрьмы следовало в результате окончания срока заключения (это касалось абсолютного большинства узников, получавших за криминальные преступления относительно небольшие сроки заключения), а также по решению суда или криминального отдела полиции, если последние находили гражданина не виновным, и предварительный арест заканчивался [10, л. 236, 81]. В случае если участие в преступлении не было доказано, обвиняемый отпускался. Например, гражданин Ефим О., обвиняемый в краже материалов с фанерной фабрики в январе 1942 г., был отпущен за неимением улик, но при этом был наказан 25 палочными ударами [7, л. 234]. Полевая комендатура Витебска в лице инспектора полевой юстиции 22.09.1942 г. предписывала начальнику тюрьмы немедленно освободить гражданина, чей срок ареста еще не окончился. Очевидно, в ходе повторного разбирательства была выяснена его невиновность [6, л. 385]. Подобные случаи в 1942 г. имели место, как минимум, еще трижды [4, л. 155, 178]. Начальнику тюрьмы также сообщался ход разбирательства дел некоторых узников. Например, в марте 1942 г. криминальный отдел Витебской полиции сообщил начальнику тюрьмы, что дело № 432 гражданина Прохора М., обвиняемого в убийстве, направлено в районный суд [6, л. 381].

В ряде случаев заключенные направляли заявления о помиловании, которые, чаще всего, отклонялись, о чем в письменной форме комендант фельдкомендатуры уведомлял через городскую управу просителей [6, л. 45; 4, л. 342]. Тем не менее, в редких случаях помилование могло быть оказано. Например, 18.04.1942 г. фельдкомендатура направила в Витебскую тюрьму приказ о немедленном освобождении гражданина Владимира И., который был помилован [10, л. 158]. Причиной для отмены наказания могла служить также психическая невменяемость граждан [10, л. 56].

Тюремный быт характеризует рапорт начальника Витебской городской тюрьмы начальнику полиции от 29.07.1942 г., в котором первый просил отпустить для тюрьмы доски для настила кроватей, так как в тюрьме не было ни одной доски [4, л. 172]. Анти-санитарные условия и дефицит продовольствия приводил к заболеваниям узников сыпным тифом [10, л. 164]. Мизерный тюремный паек обрекал узников на полуголодное существование, поэтому заключенным разрешалось получать передачи от родственников. Они же имели право на поучение оставшихся от заключенных вещей и продуктов в случае убийства граждан в Германию или смерти [6, л. 372].

Условия содержания узников красноречиво иллюстрируют донесения о смерти некоторых заключенных. В Витебской тюрьме из приговоренных полевым судом к различным срокам заключения 167 граждан за период 6.11.1941–26.12.1941 г. умерло 3 чел., из отбывавших заключение за период 21.12.1941–12.12.1942 г. 70 чел. умерло еще двое узников [8, л. 418–439]. Суровая тюремная действительность периодически вызывали побег или попытки побега заключенных. В донесении Витебской ортскомендатуры фельдкомендатуре от 3.02.1942 г. сообщалось о попытке к бегству из заключения одного из узников, который был расстрелян [6, л. 15].

21.10.1942 г. начальник Витебской тюрьмы издал распоряжение относительно порядка прогулки заключенных. Тюремной охране предписывалось производить прогулки арестованных, сидевших в одной камере, каждая партия должна была ходить, разбившись по парам и заложив руки за спину, в круговую по тюремному двору в течение 15 минут; прогулка начиналась ежедневно с 9.00. Прогулочный двор должны были охранять два вооруженных охранника (в помощь могли привлекаться и немецкие солдаты), ответственный дежурный и его помощник наблюдали за арестованными внутри прогулочного двора без оружия, чтобы в случае побега заключенные не могли завладеть им [8, л. 162].

Количество узников, прошедших через Витебскую тюрьму, по не полным данным можно оценить цифрой не менее 2791 чел. С начала немецкой оккупации и до конца в 1941 г. заключению подверглись 663 чел., в 1942 г.–898 чел., в 1943 г.–1230 чел., данные по 1944 г. отсутствуют [14, л. 1–176; 15, л. 1–40]. Штат Витебской тюрьмы по состоянию на 6.03.1943 г. составлял 28 чел. [16, л. 10 об.]. На фоне этих статистических данных достаточно странно выглядит тезис витебского исследователя Ивановой Т.П., которая утверждает, что «с учетом сроков заключения (от 1 недели до 3 месяцев) можно сделать вывод, что *практически все* (выделено мною–Е.Г.) население Витебска перебивало в тюрьме» [3, с. 50]. Во-первых, как уже отмечалось ранее, в подчиненной местной администрации тюрьме содержались граждане со всего Витебского района, во-вторых, детальный анализ документов из фонда Витебской тюрьмы не позволяет делать вывод о таком огромном количестве заключенных на фоне более чем 30-тысячного населения Витебска в период оккупации [17, л. 6].

Таким образом, изучение материалов оккупационных органов юстиции и мест содержания под стражей гражданского населения позволяет реконструировать механизм функционирования немецкой пенитенциарной системы в отношении гражданского населения оккупированной Беларуси.

1. <http://slovari.yandex.ru/~книги/Брокгауз%20и%20Ефрон/Пенитенциарная%20система/>;
<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B0%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F.%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0>. Дата доступа 13.09.2011.
2. Шалаева С.Б. В оккупированном Витебске // Выстояли и победили: свидетельствуют архивы / авторы-составители М.В. Пищуленок, Т.В. Бувич, С.Ю. Каравка, С.Б. Шалаева.–Витебск: Государственный архив Витебской области, 2005.–92 с. С. 10–12.
3. Иванова Т.П. Политика оккупационных властей в Витебске во время Великой Отечественной войны // Европа во Второй мировой войне: Материалы международной научно-теоретической конференции / Ред. кол. В.А. Космач (гл. ред.) и др.–Витебск, 2005.–С. 48–51.
4. Государственный архив Витебской области. Ф. 2155. Оп. 1. Д. 8.
5. Там же. Ф. 2155. Оп. 1. Д. 10.
6. Там же. Ф. 2155. Оп. 1. Д. 2.

- 7 Там же. Ф. 2116. Оп. 1. Д. 1.
8. Там же. Ф. 2155. Оп. 1. Д. 5.
9. Там же. Ф. 2155. Оп. 1. Д. 1.
10. Там же. Ф. 2155. Оп. 1. Д. 4.
11. Там же. Ф. 2155. Оп. 1. Д. 11.
12. Там же. Ф. 2155. Оп. 1. Д. 6.
13. Там же. Ф. 2155. Оп. 1. Д. 3.
14. Там же. Ф. 2155. Оп. 2. Д. 1.
15. Там же. Ф. 2155. Оп. 1. Д. 12.
- 16 Там же. Ф. 2155. Оп. 2. Д. 1 А.
17. Там же. Ф. 2073. Оп. 1. Д. 181.

Докунова Е.Н.

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1944 гг.): ГОВОРЯТ АРХИВЫ

Тема советских военнослужащих, попавших в немецкий плен, является одной из малоизученных на страницах истории. Остаются неисследованными вопросы участия церкви в судьбе военнопленных, положения в лагерях женщин-военнопленных, инвалидов, евреев, врачей, не известно точное количество советских военнопленных на оккупированной территории Беларуси. Документы, касающиеся содержания советских военнопленных, собраны в архивах Беларуси, России, Украины, Германии и других стран. В работе рассмотрим корпус источников по данной теме в белорусских архивах. Они сосредоточены, в основном, в Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ). Среди них – организационно-распорядительные документы (приказы, распоряжения, директивы, инструкции, положения) высших и местных органов оккупационной администрации, регламентирующие пребывание советских военнопленных в немецких лагерях на оккупированной территории Беларуси. Эти документы дают представление о социальном, политическом, экономическом, военном положении советских военнопленных, об особенностях функционирования органов управления лагерями.

Документальные источники отечественных архивов, относящиеся к изучаемой теме, по происхождению можно условно разделить на четыре основные группы: 1) фонды оккупационных организаций; 2) фонды советских партийных органов и организаций, партизанских формирований; 3) переведенные документы фонда № 1440 «Институт истории партии при ЦК КПБ» и № 510 «Переведенные документы Великой Отечественной войны»; 4) фонд № 1363 «Уголовные дела на осужденных немцев».

Фонды оккупационных организаций содержат документальные материалы высших, местных органов управления и экономического освоения оккупированных территорий. Значительное количество ценных сведений по исследуемой проблеме содержится в фонде № 370 «Генеральный комиссариат «Беларусь». Здесь представлены распоряжения, приказы, инструкции, памятки руководящих оккупационных структур, которые характеризуют функционирование лагеря, охрану и режим содержания, нормы питания, медико-санитарные нормы, трудовое использование военнопленных. Особое внимание администрация лагерей уделяла использованию труда советских военнопленных как внутри лагеря, так и за его пределами. Для повышения производительности труда практиковались поощрение и наказание. В данном фонде имеется распоряжение Рейхминистра по занятым восточным областям от 17.11.1942 г. «О премировании советских военнопленных табачными изделиями за особо усердную работу» [1, л. 1]. В фонде № 655 «Штаб группы армий «Центр» находятся приказы командования вооруженными силами Германии по организации явки в лагеря отбившихся солдат (приказ командующего тылом центрального армейского участка Макса фон Шенкендорфа по корпусу № 40 от 16.10.1941 г.) [2, л. 71], борьбы с партизанами, оказывающими помощь военнопленным; дневники боевых действий; данные о количестве захваченных в плен советских военнослужащих. Также в фонде имеется документ главного